
БАЙРОН: ПОЭЗИЯ ПОЛИТИКИ

ВАРТАНОВА Ж. А.

“Поэзия – хранитель политики”.

В. Розанов

Всю поэзию Джорджа Байрона, великого английского поэта, пронизывают пафос непримиримого протеста, исторического оптимизма и служения свободе, питательной почвой которых были вспыхивающие по всей Европе национально-освободительные движения.

И Байрон, поэт и гражданин, очевидец и участник исторического процесса, некогда мечтавший о карьере оратора, политического деятеля, гордо прощался с “музой вымысла”, заявляя, что отныне:

Страну волшебную мечтаний

На царство Истины сменил!

Однако лишь постепенно “царство Истины” открывалось поэту, современнику и поборнику революционно-исторических событий.

Политические взгляды Байрона сложились не сразу, хотя голос будущего бунтаря и сатирика уже звучал в юношеских стихах (“Часы досуга”). Вступая в палату лордов, он надеется “по возможности сохранить свою самостоятельность в политических вопросах”, а в период, следующий за парламентскими выступлениями, поэт говорит о своей “крайней ненависти ко всем существующим правительствам”. Окончательно политические позиции Байрона определяются столкновением с английским обществом, эмиграцией из Англии и непосредственным соприкосновением с революционным движением на континенте.

Национально-освободительные движения в Италии, Испании, Греции нашли в его поэзии живой отклик и горячую поддержку. Не замыкаясь в поэтическом созерцании, Байрон в поэме “Прикованный Прометей” увековечил образ борца за свободу, страдающего в оковах, который взволновал всю Европу, томившуюся в узах реакции. (Кстати, по признанию самого поэта, образ мифического Прометея, который он страстно любил в юности, оказал влияние на всю его жизнь).

Именно свобода в конечном счете является источником боевого пафоса и влиянием Байрона на передовых людей своего времени. Мечта

поэта – “Подумать только – свободная Италия!”, естественно, находила отзвук в его словах “Действия, действия”, в думе “... если бы удалось освободить Италию. Это великая цель – подлинная *поэзия* политики” (Дневник, 18 февраля 1821 г.). Чеканная формула Байрона – “поэзия политики”, которая куда нужнее, чем просто поэзия. Этой “поэзией политики” отмечена вся жизнь поэта, озаренная мятежными порывами, противоборством деспотизму, поисками настоящего дела, верностью идеалам справедливости, разума, добра.

Республика представляется Байрону матерью всех общественных добродетелей: Рим, Греция, Венеция, освобожденная Америка обязаны ей своим величием. Ведь недаром на одной из своих страниц поэт оставил слова: “Поэтому я за Республику” (Дневник, 18 февраля 1814 г.). Байрон одинаково отрицательно относился и к феодальной реакции, пытавшейся ликвидировать наследие великой Французской революции, и к буржуазному либерализму, который отказался от идеалов просветителей 18 века.

В сущности, живя и творя в период глубоких изменений в общественной и духовной жизни Европы в результате Французской революции, сыном которой в значительной степени был по своим воззрениям Байрон, поэт ощущал свою эпоху как закономерный этап в духовном развитии человечества, общества и личности.

Общий дух обновления, которым была отмечена как личная жизнь поэта, так и общественная атмосфера Европы начала 19 века, способствовал дерзновенному новаторству в творчестве Байрона. Последнее приобретает новое понимание отношений личности и общества:

Тираны дают мир, – я ль уступлю?

Необычайно гордая натура поэта не только за себя, но и за человека вообще находила воплощение в блещущем молниями гнева, страсти и остроумия материале. Байрон-художник детерминирует действительность, которая иначе утонула бы в хаосе. “Из хаоса господь создал мир; из могучих страстей рождается народ”, – так сформулировал Байрон одну из тем своего творчества – тему народа-борца как силы общественного развития. Образ народа-борца возникает в его творчестве, начиная с первой песни “Паломничества Чайльд-Гарольда” и парламентских речей. Байрон гордо утверждает суверенность человеческого разума и воли, их непобедимость в борьбе за свободу.

Требовательный художник, краеугольным камнем эстетики которого является убеждение в моральной и гражданской ответственности творца, Байрон постоянно сравнивает поэзию с оружием. Не случайно

одну из своих антиправительственных эпиграмм (“Строки к плачущей девушке”) он называет “ручной гранатой”. Это, между прочим, один из примеров воинствующего публицистически “пристрастного” (терминология поэта) характера творчества Байрона, когда поэтическое “оружие критики”, направленное против реакции, служило дополнением “критики оружием”.

Существенным этапом в приобщении Байрона к общественной жизни стало путешествие в 1809-1811 гг., которое, расширив его политический кругозор, укрепило в нем живой интерес и уважение к культуре и фольклору других народов. Так, в “Паломничестве Чайльд-Гарольда” он писал:

*Я изучил наречия другие,
К чужим входил не чужестранцем я.
Кто независим, тот в своей стихии,
В какие ни попал бы он края...*

Байрон изучает новогреческий, албанский и турецкий языки, знакомится с итальянским языком, которым затем, живя в Италии, стал владеть свободно. Позже поэт принимается за изучение армянского языка, выражая горячее сочувствие “угнетенному и благородному народу” Армении. Именно в Венеции (1816-1818) Байрон изучает армянский язык, стремясь проникнуть в тайны поэзии Армении и ее культуры у монахов армянского монастыря на острове св. Лазаря, который он называет “штабом армянской независимости”. В Предисловии к “Армяно-английской грамматике”, изданной его новыми армянскими друзьями, поэт открыто выражает свои симпатии делу освобождения армянского народа от турецкого ига. Приведем в этой связи слова, сказанные Байроном об армянах: “Трудно найти народ, летописи которого были бы менее запятнаны преступлениями, чем у армян, которых отличительные черты – добродетель и мирные свойства, а пороки – следствие насилий”¹.

Тем не менее Байрон уверенно пишет: “Но какова бы ни была их судьба – а она была печальна! Что бы не ожидало их в будущем, их страна всегда должна оставаться одною из самых интересных на всем земном шаре”². Любопытно, что местные жители называют клочок

¹ См. “Лорд Байрон корреспондент”, 1817, 2, с. 258.

² Виноградов А. Байрон. М., 1936, с. 188.

земли, на котором стоит монастырь ордена мхитаристов, “Армянским островом” и “Малой Арменией”³.

Великий поэт, обличая внешнюю политику своей родины, основанную на предательстве и угнетении, рисует поэтическую картину греческой весны (“Проклятие Минервы”), которая перерастает в гневный и страстный памфлет. Знаменательно, что именно в этой поэме, обличающей преступную политику британского правительства в Индии и неизвестной английскому читателю при жизни Байрона, появляется столь любимый им образ Немезиды как символа отмщения за кровь и страдания порабощенных народов. Защитникам кровавых мероприятий поэт заявляет: “А понимаем ли мы, сколь многим мы обязаны черни?”⁴. Причем в “Оде авторам билля против разрушителей станков” и в “Песне для луддитов” содержатся прямые обращения к борющимся за свои права и свободу массам.

Тонкими, острыми штрихами Байрон рисует портреты лидеров политических партий, министров, заискивающих перед правящей кликой промышленников. В ряде же стихотворений, занимающих промежуточное положение между политической и интимной лирикой (“Любовь и золото”, “На смерть поэта Джона Китса”, в частности, и др.), поэт воссоздает существующий в обществе страх перед свободной творческой мыслью. Осуждая лицемерие и ханжество, Байрон пишет:

*Пусть я один, но я упрям,
За трон свободной мысли не отдам.*

Неустанно борясь за выход на широкую арену политической жизни, Байрон приходит к важному для себя выводу: труды французских просветителей содействуют революционному преобразованию общества лишь постольку, поскольку они совпадают с интересами народа, который не мог “ни дать ничего более, ни терпеть долее”. Свои же произведения в “Дон-Жуане” поэт сравнивает полушутя-полусерьезно с наполеоновскими сражениями. Однако, вопреки ироническому сравнению Байрона, сражения, которые он ведет с реакцией, не были проиграны.

В “Пророчестве Данте” Байрон дает поэтическое выражение политическим чаяниям итальянских патриотов-революционеров, для

³ Даштенц Х. Т. Байрон и армяне. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Е., 1965, с. 3.

⁴ Джордж Гордон Байрон. Речь в палате лордов по поводу билля о станках февраля 27-го дня 1812 года (Соч. в трех томах, т. 2, М., 1974, с. 510).

которых имя Данте было символом национального единства и возрождения Италии. Данте, предсказывая разорение и унижение Италии под властью иноземцев, призывает к борьбе за национальное единство и свободу:

Сынам твоим лишь нужно единенье.

Политическими симпатиями Байрона определяются и его опыты в жанре исторической драмы: трагедии “Марино Фальеро”, “Двое Фоскари”, “Сарданапал”, в которых поэт стремится объективно разработать историко-политическую тему как урок для современности. Той современности, герой которой (драма “Вернер”) говорит, что деньги “больше, чем философский камень, это – пробный камень самой философии”.

Уроки для настоящего и будущего Байрон, естественно, искал и в опыте Французской революции, которая для него была жизненно важной темой. Бросая вызов реакции, поэт в третьей песне “Паломничества Чайльд-Гарольда” вновь обращается к “крамольной” теме. И тема Французской революции как “главная тема... эпохи” (Шелли) и новых возможностей, открытых ею для освободительной борьбы народов, прозвучала в обеих заключительных песнях “Паломничества Чайльд-Гарольда”. Еще Пушкин подметил, что в произведениях итальянского периода после четвертой песни “Чайльд-Гарольда” поэт писал с высоким человеческим талантом. (Вспомним, что именно человеческой поэмой назвал “Паломничество Чайльд-Гарольда” сам Байрон).

Не случайно то, что строки “Гимна к Свободе” последней песни “Паломничества Чайльд-Гарольда” Шелли использовал в качестве эпиграфа к своей “Оде к свободе”. Именно к поэме “Паломничество Чайльд-Гарольда” восходит начало литературной славы Байрона как в Англии, так и за ее пределами. Секрет успеха заключался в глубокой жизненности и актуальности содержания поэмы. К данной поэме, вероятно, вполне приложима характеристика Белинского: “Байрон писал о Европе для Европы; этот субъективный дух, столь могучий и глубокий, эта личность, столь колоссальная, гордая и непреклонная, стремится не столько к изображению человечества, сколько к суду над его прошедшею и настоящею историею”⁵. Действительно, “Паломничество Чайльд-Гарольда” – суд над прошедшей и настоящей историей Европы.

⁵ Белинский В. Г. *Собр. соч. в девяти томах, том шестой, М., 1981, с. 371.*

Байрон идет по горячим следам событий – только отгремели пушечные залпы Ватерлоо – поэт скорбит о смерти своих соотечественников, нашедших “кровавую могилу” при Ватерлоо (для Байрона Ватерлоо – пример бойни). Давая оценку недавней войне, он подошел к ней с точки зрения интересов и судеб народов. Ведь недаром сам Байрон настаивал на политическом характере своей поэмы. Поэт, в частности, занял непримиримую позицию, выражая готовность пойти навстречу требованиям в отношении литературной правки текста, но наотрез отказываясь поступаться философско-политическим содержанием поэмы.

Революционно-романтическому творчеству Байрона всегда было присуще стремление к жизненной правде, к исследованию основных вопросов современности. И в своем движении к реализму Байрон боролся за право искусства на горькую правду, на беспощадную насмешку, на отказ от иллюзий утешительного толка. Эта борьба требовала от него огромного нравственного самопожертвования и твердости духа. Отсюда кажущаяся беззаботность и виртуозная легкость, с какими в “Беппо” Байрон разделяется со своими противниками, нанося удары по твердыням эксплуататорского общества. Именно “человеческий интерес” (терминология поэта), общественно правильно понятый, типически обобщая саму действительность, звал Байрона к прямому вмешательству в современную жизнь.

И хотя во вступительных строфах “Бронзового века” Байрон возвращается к теме быстротечности земного бытия:

“Добро иль зло – все, гибнет без следа”, однако старая мелодия текучести и изменчивости бытия перешла в иной мажор. Так, Байрон пишет: “Чем больше равенство, тем более равно распределяется зло и будучи разделено среди множества людей, становится легче” (Дневник, 18 февраля 1814 г.). Поэт ищет в живых фактах, в опыте освободительной борьбы народов героическую красоту: в поэме “Бронзовый век” рождаются патетические образы – образ восставшей Испании, образ непокоренной, пылающей Москвы 1812 г.; возникают вдохновенные лирические прозрения будущего – не будет места угнетению и тирании. Вечное движение истории теперь в глазах Байрона становится залогом лучшего будущего человечества. Причем, к примеру, в “Преобразованном уроде” Байрона мы находим, что право “необходимых” порядков невозможно, если оно противоречит объективным законам мирового движения.

Вера в победоносный исход освободительных усилий народов Европы и Америки являет собой идейную опору политических сатир Байрона. Кстати, политические сатиры как свидетельство огромного внимания Байрона к политической ситуации и его политической активности с трудом находили доступ к широкой публике, хотя сам поэт ревностно заботился об их распространении. Некогда лишь мысленно, в одиночестве рвавшийся к “действиям, действиям” Байрон начинает в самой поэзии выступать как общественный деятель большого масштаба. Байрон-сатирик использует любую возможность, чтобы противостоять силам реакции.

Поэма “Видение суда” – это суд над Георгом III как воплощением реакционной сущности всей внутренней и внешней политики Англии. В своем изображении видения Байрон смело доводит до гротеска политические ситуации и образы своей сатиры. Самая процедура “небесного суда” над Георгом III дана в духе английской народной комической пантомимы. В поэме дана и пародия на парламентские дебаты; причем парламентская сессия явно приравнивается к фарсу.

В свою очередь в “Ирландской аватаре” материалом для боя с реакцией послужило впечатление о ликующих сообщениях английской прессы – триумфальный въезд Георга IV в столицу порабощенной Ирландии. Поэт разоблачает лицемерие кампании по сбору народных пожертвований на постройку дворца Георгу IV – дворца “в обмен на рабочий дом и тюрьму”. Байрон клеймит предательство ирландской знати, продавшей интересы своих соотечественников за подачки “четвертого из дураков и угнетателей, именуемых Георгами”. Между тем, по Байрону:

... свобода исторгнута будет в бою –
Ведь, как волки, всегда короли-властелины
Отдают лишь из страха добычу свою.

Язвительное сатирическое обличение проникнуто лирическим чувством: поэт горячо любил порабощенную Ирландию.

Именно это сочетание сатирической критики с лирической страстностью особо проявляется в поэме “Бронзовый век”. Политическая сатира была, по словам Байрона, “рассчитана на миллионного читателя, будучи вся целиком посвящена политике и пр. и пр., и общему обозрению современности” (в письме к Ли Генту (Хенту)). “Бронзовый век” – это сатирический обзор событий 1812 г. (революция в Испании, контрреволюционное выступление держав Священного Союза, конгресс которого в ноябре 1822 г. в Вероне

отказался выслушать представителей восставшей Греции, подтвердил “законность” вывоза негров-рабов из Африки в Америку и т. д.). Байрон созда, т сатирические портреты Людовика XVIII, “надменного Веллингтона” с его орлиным носом, на который ему хотелось бы подвесить весь мир.

Добряк Луи – классический король,

“Желанного” тебе желанна роль? – насмешливо спрашивает поэт, разоблачая короля Бурбона, стремившегося “править народом, который не хочет, чтоб им правили”. Байрон клеймит позором дипломатических агентов реакции, в частности Меттерниха, а также разоблачает роль финансового капитала. Исторические факты, образы, даже собственные имена (к примеру, Костюшко, чь, имя “потрясает слух тиранов”) горят у Байрона живым огн, м страсти.

Байрон широко использует в “Бронзовом веке” ораторские при, мы, забрасывая своих противников гневными и саркастическими вопросами, на которые сам же да, т уничтожающие ответы. Он полемически вводит в свои стихи цитаты из правительственной прессы, тут же опровергая их:

*Сын Альбиона, я ль не воспую
Прекрасную Британию свою?
Ремесла ... войско... вольность и восторг...
Довольство... Остров... и король Георг...
... Но и для рифмы вы насч, т Реформ
Не заикайтесь!...*

Пародийный, разоблачительный смысл ясно просматривается в сатирическом контексте поэмы, принадлежащей к числу тех шедевров Байрона, которые и поныне сохраняют свою жизненную силу. И не случайно великий Г, те уподобил данное творение произнесенным парламентским речам поэта. Как остро отточенное оружие, “Бронзовый век” по праву занимает поч, тное место в культурном наследии английского народа.

Поэма “Бронзовый век” – это непревзойд, нное в английской литературе своей пронизательностью и сатирической силой разоблачение “высокой” политики господствующего класса. Пощечиной буржуазно-дворянской Англии является раскрытие тайных пружин британской военной агрессии и “патриотизма” английского собственника:

*Как примирить потерь военных сч, т
С любовью к Англии? Подняв доход!*

“Не приходит ли невольно на ум,- писал Тимирязев,- что будь Байрон современником не Веронского конгресса, а Версальской конференции, ему не многое пришлось бы изменить в своем бичующем стихотворении? В своем гневном обличении лжепатриотизма британских собственников, торгующих родиной и жизнью своих соотечественников, Байрон исходил из исторически подлинных фактов”⁶. Поэт обличал собственников, извлекавших свою ренту из “крови, пота и слез народа” и трепещущих, по выражению поэта, “от страха, как бы изобилие не коснулось бедняков”. Недаром желчная сатирическая антитеза Байрона гласит: “Британия гибнет, лишь бы процветала куча аграрных муравь, в”.

Вместе с тем Байрон всюду усматривает знамения новой за-ри – это подымающийся на освободительную борьбу народ Испании, Греции, Южной Америки. Байрон как поэт-трибун во всеуслышание обращается к народам с мощным призывом. Таковы, например, те строки “Бронзового века”, которые обращены к героическому народу Испании и проникнуты пламенным пафосом:

*... Взметнулся клич: “Испания, сплотись!”
Готовый вспыхнуть, как Москва, Мадрид,
И в каждом сердце ожил храбрый Сид!*

Героический пафос и сатирическая насмешка пронизывают друг друга; вдохновенна легкость, с какой поэт обрушивает фейерверк блистательных каламбуров, язвительных анекдотов, эпиграмм на руководителей международной реакции. Сам Байрон отмечает патетическую “приподнятость” как особенность этой поэмы, в стихах которой звучит пророческая интонация. Страстный интерес к борьбе за свободу явственно обнаруживается в каждой строфе “Бронзового века”, переполненного, как находил поэт, “военными эпитетами” и историческими намеками.

В “Беппо” же Байрон в непринужденно-шутливой форме то нам, -ками, то напрямик заводит речь о политике, о литературе, о долге писателя. “Стать первым человеком, не диктатором, не Суллой, но Вашингтоном... вождем по праву таланта и истины...”, – записывает поэт в своем дневнике. В этих словах по существу определен идеал не столько вождя, сколько личности, обладающей настоящей незаурядностью, открывающей новые пути “во тьме темниц” – “дух вечной мысли”.

⁶ Тимирязев К. А. Соч. в десяти томах, т. IX, М., 1939, с. 350.

Нами уже было замечено, многие стихи на политические темы при жизни Байрона не публиковались или печатались анонимно, на случай, представляя призывы к борьбе, эпиграммы на политических деятелей эпохи реставрации и т. д. Лишь политические оды Байрона, посвященные Наполеону (1813-1815), получили в свое время огромную известность, в частности, “Ода к Наполеону Бонапарту”, “Звезда почётного легиона” и другие. Причем позднейшие стихотворения этого цикла, в которых образ Наполеона окружен героической легендой, а Звезда почётного легиона прославляется как звезда свободы, также были напечатаны анонимно, как “перевод с французского”.

Образ Наполеона в поэзии Байрона занимает особое место: грозная тень полководца постоянно тревожила Байрона. Он осуждал Наполеона, когда видел следы его разрушительных походов в Испании и Португалии, опасаясь его нападения и на Англию. Но, когда Священный союз победил Бонапарта и сделал попытку зачеркнуть все, достигнутое в Европе в результате Французской революции, когда Наполеон превратился из деспота в изгнанника, Байрон выразил ему свое глубокое сочувствие (“убив льва, мы стали прислуживать волкам”) и воспел его во многих стихотворениях. Поддавшись широко распространенному преклонению перед Наполеоном, поэт написал с нескрываемым восхищением перед ним на “100 дней”. В сложном отношении Байрона к Наполеону налицо нравственный и политический накал, а также “страстная напряженность личного чувства”.

Однако в “Бронзовом веке” Байрон, наконец, сводит последние счёты с наполеоновской легендой: преступление Наполеона теперь, по мысли поэта, заключалось в том, что он “перешёл через Рубикон пробудившихся человеческих прав”, что узурпировав власть и установив военный деспотизм, он свёл к нулю демократические завоевания Французской революции. “Царь царей”, он оказался вместе с тем и “рабом рабов”; “он растоптал права Европы, а вместе с ними – и свои”. Любопытно, что Байрон в падении Наполеона усмотрел тайну жизни человечества, которое действует и движется, повинаясь мощному глаголу – в действенный путь. В целом “Бронзовый век” как острая политическая сатира на деятелей Священного Союза и его политику была весьма современна: это был отклик Байрона на съезд деятелей Священного Союза – Веронский конгресс, посвященный “умиротворению” освободительного движения в Европе.

Внутреннее, принципиальное единство двух начал в творчестве Байрона, двух основных качеств его поэзии – страстность и окрашенная в политические тона горькая сатира на современное общество – особенно четко выступают в романе “Дон-Жуан”. “Вы требуете современной эпопеи, – пишет Байрон своему издателю, – так вот вам “Дон-Жуан”. Это такая же дивная эпопея для нашего времени, как “Илиада для времени Гомера”. Процесс, переживаемый поэтом в пору создания “Дон-Жуана”, определен его исследователями, в частности, известным байроноведом А. Елистратовой как процесс могучего духовного роста, как процесс суровой переоценки политики, морали, философии, а также буржуазно-аристократической “цивилизации”, который способствовал выводу Байрона о ее несостоятельности, враждебности интересам личности и интересам народов.

Герой Байрона – дон Жуан – человек, средний по своему интеллектуальному уровню, проходит через всю поэму как страдающая и наслаждающаяся личность, но весьма мало мыслящая, хотя и действующая. И поэтому размышления, обобщения, критика существующих порядков – от имени самого автора. Вопрос о революции как о единственном преобразующем начале современной истории ставится Байроном в лирически-декларативной форме. Отсюда разрыв между авантюрно-бытовой тканью сюжета и лирическими отступлениями автора, носящими огромную философско-политическую и идейную нагрузку.

Образ дон Жуана имел полемический характер, как и весь замысел поэмы. История похождения дон Жуана в этом смысле занимает Байрона отнюдь не просто своей пестротой и анекдотичностью: автор срывает с действительных отношений людей ханжеские покровы лицемерной буржуазной морали, присваивая себе право в полный голос говорить о жизни, о естественности “грехопадений” своего героя и о том, к примеру, чем может быть настоящее человеческое чувство. А внимательного читателя Байрон в “Дон-Жуане” вооружает и надеждой на будущее:

*... Что мы стояли за права народа,
Хоть нам была неведома свобода.*

Поэма “Дон-Жуан”, как вершина творчества Байрона, есть своего рода сатирическая энциклопедия общественной жизни Европы, поскольку поэт в Байроне был неотделим от гражданина. Байрон подчёркивает общественно-сатирический характер замысла своего произведения, заявляя, что его задача – “сатира на злоупотребления в

современном обществе, а не прославление порока” (в письме от 25 декабря 1822 г.). Подавая пример подобного отношения, Байрону удалось обогатить английскую литературу новым жанром поэмы, сочетающей реалистичность повествования с сатирической публицистичностью. Смерть поэта, увы, оборвала задуманное им – было написано всего 16 и начало 17 песни “Дон-Жуана”.

Однако и в тех песнях, которые были опубликованы, мы имеем ту широту социально-политического фона, ту критику общественной жизни европейской истории периода Французской буржуазной революции, наконец, то шекспировское разнообразие, которое восхитило Пушкина в этой поэме.

Это “удивительное шекспировское разнообразие” проявляется и в содержании “Дон-Жуана”, и в форме. Байрон свободно переходит от обличительного пафоса к шутливой веселости, от философского раздумья к прозе быта, от нежности к насмешке. Вместе с тем, прекрасно владея искусством нам, ка, Байрон наполняет свою беседу с читателем множеством ассоциаций, вводя в свои стихи и политический анекдот, и литературную полемику, и газетную справку. Поэт смело и творчески использует живой английский язык в соответствии с богатством содержания поэмы. И интонации разговорной речи, и цепь философских умозаключений, и страстная лирическая экзальтация образуют смысл и дух поэмы. Следует особо отметить, что реалистичность содержания “Дон-Жуана” развертывается в споре поэта и с самим собой, и со своими противниками. Так,

*Любой из нас ид, т своим пут, м,
Жив, т и умирает... А потом?*

Уверенность в будущем поражении реакции создает необходимый подтекст сатирических обличений, насмешек: Байрон угадывает те материальные интересы, которые управляют буржуазным обществом. В многочисленных отступлениях “Дон-Жуана” политическая оценка современной действительности и человеческой жизни составляет второй и более существенной сюжет “Дон-Жуана”. Читатель встречает многочисленные нам, ки на актуальные политические темы, продолжающие линию политических сатир: уничтожающие выпады против Георга IV, против главы английской реакции Касрли, против разбогатевшего на “благодарности нации” Веллингтона, “спасителя народов”, вс, ещ, не спасенных, и “освободителей Европы”, до сих пор не свободной и т. д. и т. п. И Байрон с пламенностью боевого призыва пишет:

*Война священна только за свободу,
Когда ж она – лишь честолюбья плод,
Кто бойнею е, не назов, т?*

Весь духовный мир, как думает поэт, сближаясь в этом с Гегелем, “по существу своему есть мир не различия только, но и противоборства”⁷. “Дон-Жуан” в этом смысле – важная веха в развитии мировоззрения Байрона, в его умении – черта большого художника – созидать идеи, не давая им распыляться. Байрон обобщает историческую действительность, судьбу своей страны, судьбу своего героя, образ которого развернут на огромном фоне эпохи от полусознательного неприятия не имеющих социально-политической значимости сторон жизни до необходимости восполнения характера героя и идеалов самого поэта новым позитивным содержанием.

В современной Байрону литературе не было произведения, с такой широтой и остротой отразившего бурные процессы общественной и духовной жизни, как роман “Дон-Жуан”. Г, те отнюдь не случайно назвал Байрона “единственным великим поэтом современности”. Во второй части “Фауста” Г, те, изобразив Байрона в символическом образе юноши Эвфориона (Эвфори- он – символ современной поэзии), в заключительной элегической песне хора оплакал героическую смерть поэта.

Поэзия, “криком”⁽ которой был победивший в себе поэтический индивидуализм Байрон – это Миссия на земле. Величие ума, сила духа, служение своим творчеством, насыщенным актуальным общественным содержанием, свободе и битва за не, взволновали всю Европу. Байрон, английский лорд, поэт, по приезде в Грецию, напишет стихотворение, в котором звучат голоса совести и долга, звучит тревожное ожидание битвы:

*Встревожен мертвых сон, - могу ли спать?
...В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце.*

Байрон словно наш, л свое подлинное призвание – государственного деятеля и военачальника. Поэт стремится объединить усилия греческих патриотов и добровольцев, приехавших по примеру Байрона из других стран Европы на помощь грекам. Приняв деятельное участие в обороне крепости Миссолунги, осажденной турками, Байрон попал в свою сти-

⁷ Соловьев В. С. Собр. соч., т. 8, СПб., 1904, с. 366.

хию, стихию боевой жизни и подвигов – “кругом война, внутри смута” (слова поэта).

Заболев лихорадкой, которая косила гарнизон Миссолунги, Байрон умер в возрасте 36 лет 19 апреля 1824 года. Хоронили Байрона, к тому времени уже самого знаменитого поэта Европы, с воинскими почестями.

Слава Джорджа Гордона Байрона была в немалой степени славой поэта-бойца, поднявшего свой голос в защиту свободы как высшей цели жизни, в защиту итальянских карбонариев, английских рабочих – разрушителей машин, греческих патриотов. Байрон, приветствуя солнце будущих дней как самое ценное достояние, вправе был сказать о себе, брошенном в борьбу, -

Зато я жил, и жил я не напрасно!

Знаменательно, что Шелли в “Защите поэзии” называет поэтов “серебряными трубами”, возвещающими будущее тенью, которые грядущие события отбрасывают в сегодняшний день. Вспомним слова Байрона: “Что такое поэзия? – Ощущение прошедшего и будущего миров” (Дневник, 28 января 1821 г.). Это представление о Миссии поэзии, заглядывающей в будущее и приближающей ее, к современности, пророчащей победу поборникам свободы, было жизненно близко и дорого Байрону.

Великий английский поэт и сегодня с теми, кому по, т труба борьбы за свободу, которая пела ему.

ԲԱՅՐՈՆ. ՔԱՂԱՔԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՊՈԵԶԻԱ

ՎԱՐՏԱՆՈՎԱԺ Ա.

Ամփոփում

Բայրոնի պոեզիան տոգորված է անհաշտ ընդվզումներով, պատմական լավատեսությամբ, արդարության և բանականության իդեալներին հավատարիմ մնալու գաղափարախոսությամբ: Բանաստեղծի քաղաքական համոզմունքների հիմքում, որպես հասարակական առաքիլության դրսևորում, ընկած է հանրապետության հաստատումը:

Իր դարաշրջանը դիտելով իբրև մարդկության, հասարակության և անհատի զարգացման բնականոն փուլ՝ բանաստեղծը ժողովրդին ընկալում է որպես հասարակական զարգացման ուժ:

Բայրոնի մարդասիրությունը նրան մղում է հետադիմության դեմ պայքարի, իսկ պայքարի միակ զենքը քաղաքական երգիծանքն է: